

не представляется разумным [1]. Информационное пространство буквально «накрывает» любого потребителя информации практически с рождения и сопровождает на протяжении всей жизни, что обязывает относиться к информации аккуратно и грамотно для ее качественного использования.

Список литературы:

1. Баранников, К.А. Обзор современного состояния среднего профессионального образования в России (статистика и аналитические замечания) / К.А. Баранников // Вестник Московского университета МВД России. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2009. – № 7. – С. 16–19.

2. Ищенко, М.В. Информационное общество: подходы к определению сущности категорий / М. А. Ищенко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2007. – № 1. – С. 47–54.

3. Микрюков, В.А. Влияние интернет-социализации на личность современного студента / В.А. Микрюков // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2010. – № 4. – С. 76–82.

4. Чистяков, А.В. Социализация личности в обществе Интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: автореф. дис. ... док. социол. наук : 22.00.06 / А.В. Чистяков; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова – Новочеркасск, 2006. – 54 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

*Е.Э. Рудковская
Витебск, Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова*

Древнекитайский полководец Сунь Цзы, разрабатывая правила и принципы успешных военных кампаний, указывал в том числе на необходимость психологического слома населения противника, рекомендуя обесценить традиции, разорвать связь поколений через неприятие опыта старших. Сегодня мы становимся свидетелями претворения данных наставлений в жизнь на Западе, когда видим осквернение и снос памятников советским воинам, павшим на фронтах второй мировой войны. Особенно корбит, что данное варварство совершается и на территории бывших союзных республик людьми, воспитанными когда-то в атмосфере глубокого почитания героев тех трагических событий. В этой связи крайне актуальным и оправданным представляется уточнение в ст. 15 Конституции Республики Беларусь ответственности государства за сохранение не просто историко-культурного и духовного наследия, но «исторической правды и памяти

о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 7].

Ситуационность влияет на подвижность иерархии целей, содержания и методик воспитания. Сегодня понятие «историческая память», введенное почти век тому назад французским социологом М. Хальбваксом, является весьма востребованным в научных кругах и в педагогическом сообществе. В связи с чем в «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.» основным направлением указано идеологическое воспитание, результатом которого должно стать «осознание обучающимися ответственности за судьбу страны, гордости за сопричастность к деяниям своих предков, формирование ценностного отношения к Родине, понимание важности сохранения исторической памяти (особенно о событиях Великой Отечественной войны, жертвах и героизме соотечественников)» [2]. Чтобы события прошлого стали не сухим знанием фактов и дат, а эмоционально окрашенным, прочувствованным «воспоминанием», педагоги используют не только учебный материал уроков истории, но и коммеморативные практики (исторический туризм, фильмы, памятники, праздники, реконструкции событий), технологии активного обучения (проектные технологии, драматизация, т.н. устная история). Ослабленная историческая память будет не способна сопротивляться вытеснению традиционных ценностей чуждыми, слому национальной идентичности, навязыванию «правильной» версии исторического прошлого. В чем видятся препятствия, неблагоприятные факторы, которые осложняют реализацию изложенных в программе задач?

1. Ответственность за сохранение исторической памяти мы передаем поколению Z, «племени младому, незнакомому» нам. Наблюдаемое складывание у молодежи новых смысловых конструктов, на наш взгляд, укладывается в теорию американского антрополога, этнографа М. Мид, которая проследила переход от постфигуративной культуры к кофигуративной, а впоследствии – префигуративной. В первом случае старшее поколение выступает в качестве непогрешимого авторитета, примера для подражания; его опыт, ценности, стиль жизни задают автоматизм поведения детей. Во втором случае мы имеем дело с конфликтом поколений, когда молодежь не нуждается в поколении дедов, считая опыт старших недостаточным (а то и непригодным); ориентируется на сверстников и ищет новые эталоны, идеалы, способы жизнедеятельности и самоутверждения. По прогнозам исследователя, в будущем обращение к опыту прошлого, взаимодействие поколений станет еще более дискретным, непрочным вследствие интенсификации общественных трансформаций, ускорения темпов развития. Как говорится, не дети живут в наше время, а мы - в их времени. Среди факторов, продуцирующих новые тенденции в духовной культуре, можно назвать кардинальные социально-политические, экономические изменения, технические новации.

2. Поколение Z, по словам М. Пренски, – «цифровые аборигены», в наибольшей степени подверженные влиянию виртуальной медиасреды, соцсетей. Диджитализация таит в себе множество рисков. Во-первых, кибернетический человек сосредотачивается на собственных интересах, фантомной реальности, выключаясь из настоящей жизни, сферы общественных идеалов, социальных связей. Э. Фромм назвал такого аутичного человека больной личностью больного мира. Во-вторых, в сети каждый сам себе историк, размещая далекие от научной верификации посты, комментарии. Накрученные лайки и количество просмотров влияют на интерес аудитории к размещенному материалу, что становится инструментом управления отношением людей к событиям прошлого. Молодые люди не всегда умеют отделять зерна от плевел, фильтровать контент. В-третьих, круг интересующих молодежь вопросов достаточно узок, она обращает внимание, как говорил П. Сорокин, только на «пустые банальности, яркие и вредные забавы и непрочный «успех» [3]. В-четвертых, субъекты интернет-пространства становятся лидерами мнений для молодежи, конкурируя за авторитет с педагогами и родителями.

3. По конъюнктурным соображениям отдельных политических сил сражения за историю резко обострились. Безответственная и безапелляционная интерпретация событий прошлого, этическая и аргументационная раскованность в оценках, распространение конфликтогенных текстов, дезинформация и дискредитация, подлог и фальсификация, избирательность отбора информации и односторонность ее подачи, изобретение мифов стали привычными суггестивными, манипулятивными практиками в деле миромоделирования. «Русский сегмент Интернета в последние годы стал полем ожесточенной информационно-психологической войны (далее – ИПВ)... Акторами ИПВ, провоцирующими идеологические межгрупповые конфликты, являются общественные деятели, публицисты, блогеры, а также многие рядовые пользователи социальных сетей, пишущие комментарии к постам, демотиваторам и другим вербальным и поликодовым текстам на идеологически значимые темы (религия, социально-экономическое неравенство, политика, переоценка событий прошлого и др.)» [4, с. 63]. Молодым людям сложно разобраться в подобном информационном хаосе, что провоцирует скепсис, идеологическую индифферентность, утрату интереса исторической проблематике. А ведь историческое сознание обращено не только в прошлое, но и в будущее. Не получим ли мы в результате манкуртов или, в случае повышенной внушаемости, деструктивно зомбированных субъектов?

4. Препятствием на пути формирования исторической памяти, патриотизма выступает также общая ментальная специфика эпохи постмодернизма, несущая заряд социокультурной эмплозии. Постсовременному миру множества рисков стало присуще отсутствие безопасности во всех смыслах. В постмодернистской культуре нигилизма действуют гибкие правила, культура отмены. Общественное вытесняется индивидуальным, историчность –

попури сведений о прошлом, авторитеты – деканонизацией традиционных ценностей, символов и героев, систематичность знания – мозаичной информацией, содержание – формой, этические принципы – гедонизмом, историко-социокультурная идентичность – нежеланием помещать себя в какую-либо идентификационную матрицу. В результате, культ свободы выбора, многообразия и рядоположенности обернулись, по мнению философа Ю. Харина, рождением нового явления, – хома цвишенс – дезориентированного, неуверенного человека «междубытия», отягощенного выбором между множеством вариантов; существующего по принципу де-: дегуманизации, децентрации, дерационализации, деформации, деструкции.

Но человек как существо, взыскующее смысла, не может бесконечно находиться в состоянии неопределенности на распутье, не может без укорененности в историческом, нравственном субстрате: перекастиполе – все же исключение. Как на индивидуальном уровне человеку рекомендуется, «чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом...» [5], так и обществу следует проводить ответственную политику памяти для формирования национального самосознания, укрепления интеграции и единства общества. Названные риски должны сподвигнуть субъектов социализации к интенсификации работы по выработке системы национальных приоритетов, противодействию деструктивного информационного воздействия, поиску новых форм работы с молодежью в целях ее социокультурной гравитации.

Список литературы:

1. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.). – Минск: Национальн. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: постановление Министерства образования Республики Беларусь, 31 декабря 2020, № 312 // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2021/03/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf> – Дата доступа: 01.11.2022.
3. Сорокин, П.А. Долгий путь : Автобиограф. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. – Сыктывкар : Союз Журналистов Коми АССР : Шыпас, 1991. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=4768&t=page> – Дата доступа: 04.11.2022.
4. Волчок, К.В. Функционально-прагматические особенности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне / К.В. Волчок // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 62–72.
5. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt_with-big-pictures.html – Дата доступа: 03.11.2022.